

ФЕСТИВАЛИ

ВИЛЛЕКЕ ИЗ БРУКЛИНА

Голландское кино — terra incognita не только для наших зрителей, но и для специалистов. Если Пол Верховен или Гас Ван Сент неспроста носят голландские фамилии, все равно они сами прочно укоренились в далекой американской почве. То кино, что осталось на исторической родине, почти не выходит за ее границы, если не считать стихийного сюрреалиста Йоса Стеллинга с его аскетически немой "Стрелочником" и барочным "Летучим голландцем".

И вот — сенсация. Год назад "Оскаром" наградили фильм "Род Антонии" голландки Марлен Горрис. "Род" в этом названии можно с большим или меньшим успехом заменить "жизнью" либо "судьбой". Речь идет, конечно, о женской судьбе ("трудной бабьей доле") и не только самой Антонии, но всех ее родственниц по женской линии. В оригинале картина так и называется — "Antonia's Line" ("Линия Антонии"). Главную героиню играет знаменитая в Голландии Виллеке ван Аммерлой, секс-бомба 50-60-х годов. Чтобы перевоплотиться в натуральную крестьянку, ей потребовалось больших усилий: Виллеке живет в деревеньке Бруклин под Амстердамом, выходцы из которой основали известный район Нью-Йорка. В чистеньком, украшенном весенними цветами бруклинском кафе мы встречаемся с актрисой.

— Сначала я чувствовала себя слишком "на виду" в этом крохотном местечке, а потом привыкла, — говорит Виллеке. — Здесь можно быть самой собой. Моя студия — в моем саду.

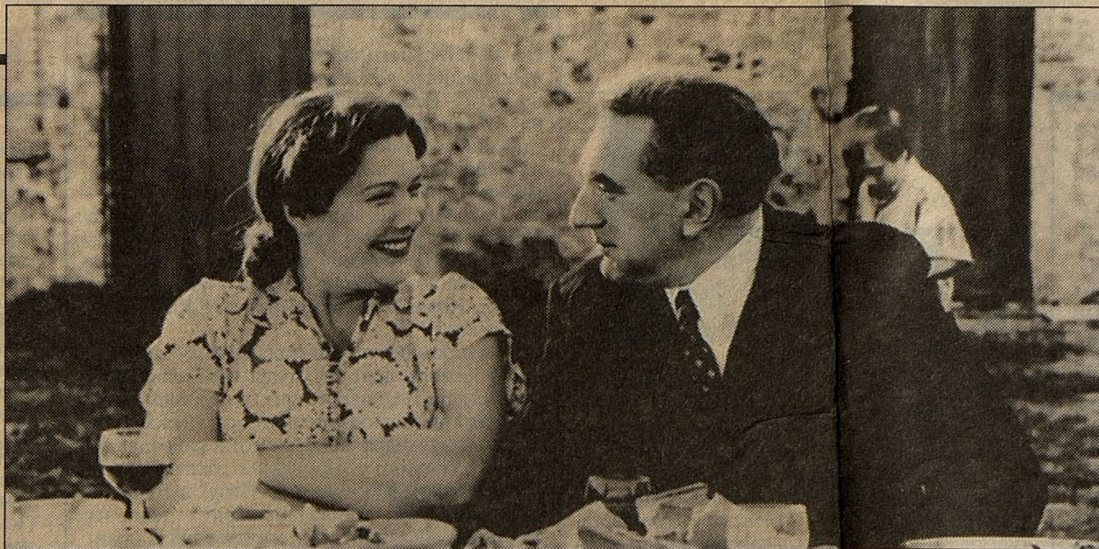
Узнав, что я из России, Виллеке становится чрезвычайно серьезной, даже грустной.

— Недавно я была в Петербурге, а до этого на женском фестивале в Минске, и у меня возникло чувство, будто я попала в прошлое — в эпоху моих родителей. Чувство совсем не радостное. Вы так долго были под прессом, что нужно время, чтобы воспользоваться свободой. Ведь даже у нас, в Голландии, приходится бороться — например, за права женщин. Когда я посмотрела фильм о русских психбольницах, подумала: если бы такое происходило в моей стране, я сменила бы профессию и ушла в политику, чтобы что-то изменить.

Виллеке охотно ударяется в воспоминания:

— На заре моей карьеры я участвовала в спектакле по Чехову, который ставил русский эмигрант режиссер Петр Шаров. Я приехала на репетицию издалека и была одета по-деревенски, в боты и платке. Шаров сразу дал мне лучшую роль, потому что я напомнила ему русскую женщину. Потом я видела русский фильм "Дама с собачкой", он до сих пор остается в числе моих любимых. Вы не знаете, где можно достать его на кассете? Я снялась в сорока картинах, работала в Германии, Франции, Италии. Среди них были и секс-фильмы, и просто плохие, но даже в них я была хороша. Виллеке саркастически смеется "грудным" смехом. Мне нравилось играть любые роли, ибо я любила кино больше всего на свете. "Антония" — хороший финал актерской карьеры. За этот фильм меня признали в Америке, которую я всю объездила с после-оскаровским турне. Теперь я стала еще и режиссером — сняла первый фильм и сейчас готовлю второй.

Некоторые считают "Антонию" феминистским, даже лесбийским фильмом. Его премьера состоялась в Канне с приглашением "только для женщин". На фестивале в Торонто фильм был уже общедоступен и получил приз публики, после чего снижал столь желанный, сколь и редкий для европейцев успех в американском прокате. Очарование картины — в игре-борьбе противоположных начал. "Борьба идей" выразилась уже в том, что режиссер лесбийской ориентации Марлен Горрис пригласила на главную роль чуждую ей по духу гетеро-сексапильную кинодиву. Но именно это сделало фильм живым. Хотя и не спасло режиссера и актрису от конфликтов: Виллеке не досталось места на оscarовской церемонии, а Марлен заявила туда со своей подругой. Актриса лишь кос-

Во всем виноват ПЕТР ВЕЛИКИЙ

Андрей ПЛАХОВ

Если бы 300 лет назад Петр I не посетил Голландию и не начал рубить окно в Европу, кто знает, состоялась бы эта Неделя голландского кино. Во всяком случае организована она в рамках российско-голландских торжеств и культурных акций, связанных с этой знаменательной датой. Просмотры новых голландских фильмов пройдут в Музее кино с 26 апреля по 2 мая. Предваряя их, мы публикуем фрагменты голландского дневника Андрея Плахова, который встретился с создателями этих фильмов.

венно затрагивает эту болезненную тему:

— Феминизм — не моя философия, и мне всегда были смешны женщины, призывавшие убивать мужчин еще в колыбели. К тому же я отвечаю не за весь фильм, а только за свою роль. Речь не о том, что надо быть лесбиянкой, а о том, чтобы стать личностью.

Я спрашиваю у Виллеке, что она думает с высоты своего опыта о современном кино.

— В нем чересчур многое решают деньги и техника. Актеры в Голливуде стали слишком дорогими. Можно, конечно, снимать непрофессионалов — но это могут позволить себе те, у кого либо слишком мало, либо слишком много денег. Главная проблема голландского кино — дефицит хороших сценариев. Многие начинают снимать только потому, что получили государственную субсидию.

К кафе подъезжает роскошный открытый лимузин, и из него выходит столь же представительный мужчина — это муж Виллеке, известный оперный певец. Он обращается ко мне с двумя фразами на чистом русском языке. Который изучил сугубо фонетически — недавно ему пришлось петь в "Евгении Онегине" по-русски. Красивая пара — пышногрудая блондинка и высокий седеющий бронеет — удаляются в направлении своего уютного домика.

УЛИЦА ГОЛЛАНДСКОГО КИНО

В другом кафе — городском, типично амстердамском — я встречаюсь с создателями фильма "Сестренка". Это картина о мужском вуайеризме: брат, встречаясь с младшей сестрой

после длительной разлуки, снимает все движения девушки на видеокамеру, доходя в своей страсти почти до инцеста. "Сестренка" делалась практически без бюджета, кустарным методом home movie. Двадцать пять молодых энтузиастов работали без гонорара и снимали на видео сцены жизни городской молодежи. Эти сцены только кажутся импровизированными. На самом деле единственное, что было профессионально, жестко разработано, — это сценарий. После съемок материал перевели на пленку 35 мм в соотношении 1:1 (без дублей и брака). Фильм прошумел на фестивалях мира и заставил заговорить о молодежной культуре Амстердама как кинематографически откровенном явлении.

Обо всем этом мне рассказывают сначала актер Роланд Ферхат, потом режиссер Роберт Ян Вестлейк. Актеру 24 года, он учится в театральной школе по методике Брехта и Станиславского. Роланд — типичный голландец, и ему присущ культ истинного демократизма. Он утверждает, что не хочет быть знаменитым: "Иногда даже интересно быть неизвестным". Его очень привлекает поездка в Россию, и он все последние дни вспоминает лейтмотив пьесы Чехова: "В Москву! В Москву! В Москву!"

А вот 32-летнему Роберту уже удалось побывать в нашей столице — причем в исторический момент штурма Белого Дома. Он жил напротив, в гостинице "Украина", и собирался снимать рекламный фильм "Кока-кола в Москве". Но реальность изменила замысел, и он снял игровую короткометражку.

— Я отправил его руководству "Кока-колы" в Атланту и, похоже, привел их в полное недоумение. От Москвы у меня осталось противоречивое чувство. С одной стороны, люди в толпе показались грубыми и не очень приветливыми: например, почти никто не придерживал за собой двери при входе в метро. Зато в домах мы встречали тепло и душевность.

Я пытаюсь, хоть и не вполне уверенно, внушить Роберту, что нравы в Москве меняются к лучшему, и уже каждый четвертый придерживает за собой двери. Надо сказать, что режиссер опоздал на встречу, заработавшись над новым сценарием. Фильм снова об Амстердаме, но называться будет... "Сибирь". Это история дружбы двух парней, промышляющих проституцией и грабятщих клиентов-иностранцев. На каком-то повороте их обкачает русская девушка Лара (привет от доктора Живаго!). Сибирь не должна быть слишком настоящей, и сниматься будет, скорее всего, в Бельгии. Сибирь — не реальность, а символ чего-то столь же далекого, как утраченная идентичность. А это — главная проблема чересчур свободного Амстердама. И недаром один из десятков кофе-шопов, в которых можно получить порцию гашиша или марихуаны, так и называется — "Сибирь". Он не очень отличается от того, где происходит наш разговор.

Вскоре к нам подсаживается еще один собеседник. Это соавтор Роберта по сценарию. Он живет в соседнем доме. Вообще выясняется, что чуть ли не все амстердамские киношники живут здесь — на улице Бредердест-

раат. Тут же, рядом, и Киноакадемия, и Музей кино.

Соавтор пришел, чтобы задать мне пару вопросов о "русской специфике". По какой причине юная москвичка могла прожить несколько лет в Сибири? Я высказываю предположение, что ее родители завербовались, чтобы заработать деньги на квартиру. А что вы говорите, когда, например, поранят палец? На Западе все теперь обычно восклицают: Fuck! А у вас? Я предлагаю несколько вариантов — более или менее жестких. Останавливаемся на невинном "Черт!" (это слово по звучанию нравится моим голландцам). Так воскликнет в какой-то момент Лара и выдаст тем самым свое русское происхождение. Осталось совсем немного — найти молодую русскую актрису, говорящую по-английски. С этой целью ребята и поедут в Москву.

ВАН ДЕЙК ИЗ ГАРЛЕМА

Голландцы основали не только Бруклин, но и весь Нью-Йорк, который сначала назывался Нью-Амстердамом. Район Гарлем, последствием ставший негритянским гетто, поначалу был заселен богатыми евреями, а название получил от голландского города Гарлем. Именно туда мы едем, чтобы встретиться с Герритом ван Дейком — ведущим мастером голландской анимации. Герриту под 60, он художник по образованию и делает фильмы вот уже четверть века. Делает вместе со своей женой Силлией, которая водит меня по их средневековому двухэтажному дому с деревянными лестницами, а потом угощает кофе с печеньем.

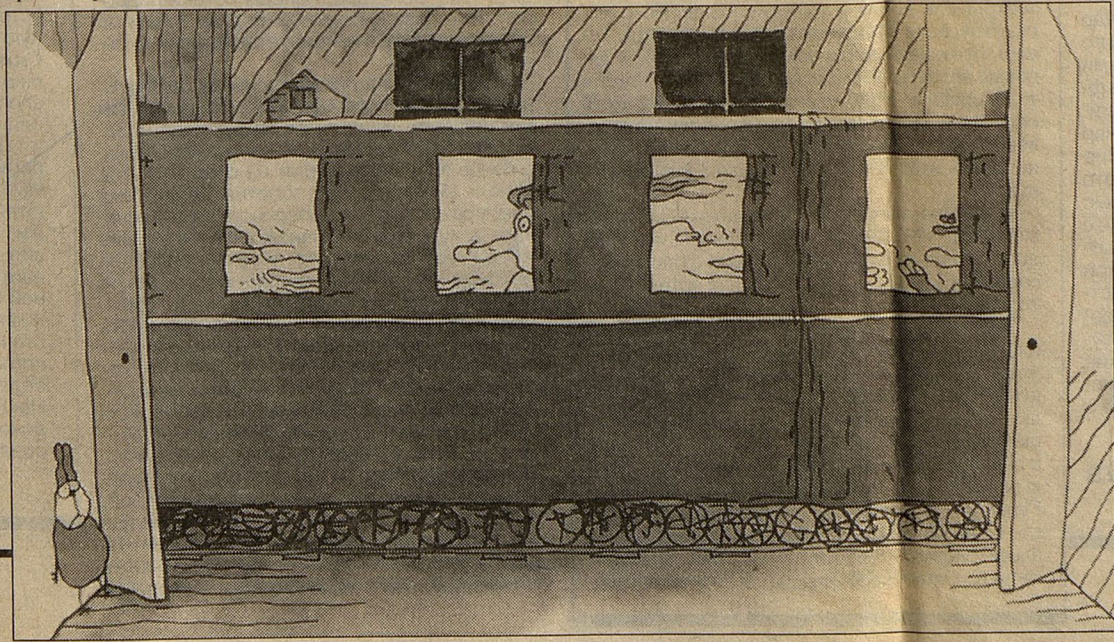
Между тем Геррит заряжает видео и ставит кассету со своими фильмами. Сюрприз: раздается русский голос, и на экране появляется Наташа Лукиных — ведущая передачи "Аниматика", рассказывает о творчестве ван Дейка. Из дальнейшего разговора выясняется, что аниматоры — одна семья, почти не знающая национальных границ. У голландцев отличные связи с канадцами, поляками и особенно с русскими. Смешно искаженные голландским произношением, звучат имена Хржановского, Норштейна, Назарова и Хитрука, студий "Шар" и "Пилот".

По странному совпадению ван Дейк тоже был в Москве во время обстрела Белого Дома, только в "Интерконтинентале", а самую критическую ночь провел в гостях у Андрея Хржановского. Теперь Геррит вновь собирается в Москву. Вместе с ним приедет Тон Крон — директор Нидерландского института анимации. Помимо официальных показов фильмов, запланированы неформальные встречи во ВГИКе, на студиях и российско-голландский семинар аниматоров. Этим людям есть о чем поговорить друг с другом.

Космополитизм — космополитизм, но голландская анимация имеет свою специфику, отличающуюся острой формой и смелой эксцентричностью взгляда на мир. В фильмах ван Дейка оживают музейные картины, открывая для двухмерной поверхности потаенные пласты. Обнаруживают эротическую подоплеку — фрукты с их округло-удлиненными формами и глянцево-кожей, они легко превращаются в возбужденные гениталии. Розовые птицы, зеленые слоны, красные верблюды танцуют под звуки песни, которую исполняет энди-уорховская певица на химически синем фоне. В фильме "Каждый день — подарок" анимационные образы, монтируясь с хроникой, создают глобальную картину современного мира. От поцелуя Фиделя Кастро до буддистских радений, от фанатов футбола и Элвиса Пресли до тоталитарных парадов.

Язык анимации универсален, а ее техника развивается сегодня в союзе с компьютером. Но Геррит ван Дейк относится к числу последних могикан "рукодельной" анимации. Как и у многих других голландцев, его студия находится у него дома. И в его персональной технике немного изменилось с тех пор, как впервые в жизни этот упрямый голландец купил 8-миллиметровую камеру. Между прочим, русского производства.

● Кадр из фильма "Род Антонии".
● Рисунок ван Дейка.

Экран и сцена